

НОВЫЙ ВЗГЛЯД

ЧАСТНАЯ ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА • № 5 (56)

ЕЛЕНА ОБРАЗЦОВА:

— Достоевский — это писатель души моей. Это писатель, как я определяю, на вырост: в разные лета он воспринимается по-разному, ибо неисчерпаем. Я не представляю себе, как я выглядела бы без Достоевского, в общении с этим писателем формировался, мужал, крепчал мой дух.

ВАЛЕРИЯ НОВОДВОРСКАЯ:

— Недаром с TV убрал "Взгляд". Замены ему нет. Ведущих больше бы устроило, если бы мы с Александром Кабаковым, которому тоже было явно не по себе, выкупались в шампанском. Пригласить правозащитника на роль букета в вазе! Чисто советское коварство.

МАША КАЛИНИНА

— "Московская красавица" Маша Калинина инкогнито побывала в Киеве. Она появлялась в сопровождении пожилого полковника украинской армии. Последнему молва приписывает отцовство мультяшного лубочника знаменитой манекенщицы...

НЕПОКОПЕВИМАЯ

Калининградский ансамбль:
ШУХРАТ А. ПАРДАЕВ

Людмила Георгиевна пригласила к себе домой, на четырнадцатый этаж высотки на Котельнической набережной. Извинилась, что встречает в халате, пожаловалась на давление ("под двести зашкаливает"). Проводила в симпатичную комнату, увешанную подлинниками картин. Предложила не торопиться включать диктофон ("давайте сначала немного пообщаемся, почувствуем друг друга").

Я открыто обрадовалась неожиданной передышке. Никак не мог нащупать тональность предстоящего разговора. Это же ЗЫКИНА! Назвать женщину ветераном — по меньшей мере бестактно. Поэтому тут, пожалуй, более уместным затертый, как пятак 61-го года, но точный эпитет "живая история". Как иначе прикажете величать человека, который, кажется, существовал на советской эстраде всегда?

ДЕЛА НАСТОЯЩИЕ И...

— Людмила Георгиевна, я месяца три, избившись с этим интервью в график ваших поездок. Гаспюли?

— Действительно, в последнее время я часто и подолгу бываю в разъездах. Мои маршруты — российская глубина, отдаленные деревеньки и хутора. Связано это и с концертной деятельностью, и с работой в качестве президента Академии народной культуры России. Я пытаюсь добывать в места, где еще сохранилось то, что составляет золотой фонд нашей национальной культуры.

— Академия существует, кажется, не так давно?

— Нам скоро уже три года. Я говорю "уже", ибо сегодня, как и во время войны, надо год за три считать. Одних только глав правительств в России сколько поменялось, вспомните: Власов, Силаев, Гайдар... Поскольку культуре без государственной поддержки никак не выжить, приходится искать понимание в высших эшелонах власти. Справедливости ради надо сказать, что к нашим проблемам всегда прислушивались. Вот и Виктор Черномырдин положительно отозвался о деятельности академии, обещал помощь.

— Уже и Черномырдин?

— Ну, Виктор Степановича я знаю давно, еще с той поры, когда он в Оренбурге работал. Позже встречались в Тюмени. Это высокообразованный специалист, интеллигентнейший человек, настоящий руководитель. Ему не нужно ничего объяснять. Виктор Степанович сам схватывает суть дела. Понимаете, наш премьер прожил большую трудную жизнь. Опыт и подкашивает верные решения. Я рада, что в такой момент во главе правительства оказался именно этот человек.

Я также имела разговор и с Владимиром Шумейко и в нем увидела заинтересованного собеседника. Очень важно, что даже несмотря на тяжелую ситуацию в экономике, правительство не забывает о проблемах культуры.

— Интересно, а к Егору Гайдару вы за поддержкой обращались?

— Нет. Мне почему-то кавалось, что мы не найдем общего языка с этим человеком. Я не хочу утверждать, что Егор Тимурович чужд вопросам культуры, но у меня возникло твердое убеждение, что мы не поймем друг друга. Согласитесь, даже в деловых отношениях человеческий контакт чрезвычайно важен. Я доверяю своей интуиции, а она подсказала мне, что тут ничего не получится.

— Ну а на Бориса Николаевича выходили?

— Пока в этом не было острой нужды. Но вас, я понимаю, интересует, знакома ли я с Ельциным? Да, как и Черномырдина, знаю его с начала 80-х годов, когда Борис Николаевич руководил Свердловской областью. Помню, он лично пригласил меня выступить на юбилей "Уралмашзавода". Позвонил и говорит: "Люда, приезжай, пожалуйста".

И звезд Героя Соцтруда я получила не без помощи Бориса Николаевича.

— Каким образом?

— Ельцин в ту пору был уже первым секре-

тарем Московского горкома КПСС и по существовавшему тогда порядку утверждал списки представленных к государственным наградам. Он и поддержал ходатайство, касавшееся меня.

— Борис Николаевич обращался к вам на "ты", а вы к нему?

— Я никогда не позволяла себе никому "тыкать". По моему разумению, "ты" можно говорить лишь тогда, когда достигнешь известной близости в отношениях с человеком. Подобный подход привела мне Екатерина Фурцева.

Екатерина Алексеевна, будучи министром культуры Советского Союза, всех называла только по имени и отчеству. Подчеркнуто уважительное отношение неизменно вызывало ответную реакцию.

— Упомянув Фурцеву, вы, Людмила Георгиевна, обогатили мне задачу. Признаться, я не знал, как поступиться к этой теме: сколько уж бремени прошло, а имя Екатерины Алексеевны по-прежнему окружено таким количеством легенд и небывлиц...

— Что, на мой взгляд, очень красноречиво свидетельствует о том, какой неординарной, если не сказать уникальной, личностью была Фурцева. О других министрах культуры почему-то ведь не судачили и не судачат?

Я знала Екатерину Алексеевну на протяжении десяти лет, и всегда она была для меня лидером, я очень многому у нее научилась. Болтают всякое, но я готова чем угодно поручиться, что Фурцева была человеком исключительной порядочности и честности. Конечно, порой она излишне эмоционально реагировала на то или иное сообщение, событие, но, поостыв, обязана была сделать как-то сгладить свою горячность, сделать что-то хорошее тому, кого некогда могла обидеть. То, что Екатерина Алексеевна якобы брала взятки, чушь, вздор!

Я не вправе называть себя ее лучшей подругой, но у нас в самом деле существовали достаточно близкие отношения. Много раз Фурцева приходила сюда, в эту квартиру, садилась за стол, за которым сейчас сидите вы, и мы вели доверительные разговоры. Да, я много знаю о Екатерине Алексеевне, но рассказать этого не могу, поскольку живу в Москве дочь Фурцевой, которой моя открытость может повредить. Скажу лишь, что именно дочь служила одной из причин для серьезных волнений Екатерины Алексеевны. Вообще Фурцева была по-женски несправедлива.

— И к вам она приходила по-бабьи поплакаться?

— Не то чтобы поплакаться, но должна же она была с кем-то делиться собственными проблемами, поскольку возможности проявить слабость на людях не имела.

Потом это была история с дачей... Сначала ее оценили в одну сумму, потом неожиданно назвали вторе большую. У Екатерины Алексеевны не было никогда никаких особенных богатств, драгоценностей. Ради этой дачи она все, что имела, распродала. Например, у нее была одна единственная шубка, правда, норковая, ее Слава Зайцев похитил... Об этом сегодня просто смешно рассказывать! Нынешние чинуши без зазрения совести строят себе из государственных материальных ценностей особняки стоимостью в десятки миллионов

рублей, приватизируют все, что понравилось или плохо лежит. Никого и ничего не боятся! А мы Фурцеву косточки перемываем, бог мой!

— И все же, Людмила Георгиевна, были еще какие-то истории с баними...

— Да, ходили мы с Екатериной Алексеевной в баню попариться, ну и что? Не вижу в этом ничего предосудительного. Каждый волен расслабляться, как считает нужным. Тем более что мы посещали не какую-нибудь спецбаню, а самую обычную — Центральную, куда доступ никому из смертных не заказан. Оргий, пьянок никогда там не устраивали. Клянусь, рюмки спиртного не выпили. О Фурцевой говорят, что она злоупотребляла алкоголем, но правильное будет сказать, что некоторые люди пытались ее спьянчить. Зачем это делалось — понятно. Таким образом старались подкатиться к министру, завоевать расположение Екатерины Алексеевны. Помню случай. Российская делегация летела с концертами в Алма-Ату. В салоне самолета находилась труппа Большого театра. И то один артист, то другой бежал с рюмочкой, чтобы лично засвидетельствовать свое почтение министру. Но Фурцева загрозила проход в первый салон, где сидели мы с ней, и никого не пустила. В результате она прилетела в Казахстан абсолютно трезвая, хотя представляете, в каком состоянии могла бы быть?

Есть у меня в запасе и другие примеры. Но, честно, я не вижу смысла их приводить. Если вы верите мне, то достаточно уже сказанного, если же не верите, то новые факты ничего не изменят. Я считаю так: на каждый роток не накнешь платок. Обо мне, скажем, распускали сплетни, что я алкогличка. На самом же деле я спиртного практически не пью, не приучена да и удовольствие большого не испытываю. Во всяком случае, в жизни не напивалась и пьяной меня никто не видел, однако это не мешает кое-кому лаять языками.

...БЫЛЫЕ

— Продолжил разговор о ваших контактах с сильными мира сего. Например, с Никитой Сергеевичем как это-то связывало?

— Чтобы не повторять потом, сразу скажу: знала я практически всех наших руководителей последних десятилетий, но ни с одним личных или близких отношений не имела. Все оставалось на уровне "исполнитель — слушатель".

Относительно Хрущева. На 70-летии Никиты Сергеевича попросил меня спеть "Течет река Волга". Я только одну строчку в последнем куплете заменила, вместо "мне" пропела "А Вам 17 лет". Хрущев сказал: "Раз сама Зыкина говорит, что мне семнадцать, то я не буду торопиться уходить на пенсию, поработаю еще с вашей помощью". Все, как водится, заплюдовали.

На следующий день я улетила на двухчасовые гастроли в США. Поездка была напряженная, колесили по всей стране, из гостиницы — в гостиницу, из одного города — в другой. Иногда по несколько суток не получали вестей из дома. Как-то перед очередным представлением нам сообщили, что после концерта состоится пресс-конференция. Я уже успела к этому привыкнуть, поэтому и отнеслась спокойно. Но первый же вопрос был поставлен так, чтобы вынес-

Москва, правда, — 1993. — 30 янв. — с. 3

ва мы встретились в Чехословакии, когда Дмитрий Тимофеевич носил уже генеральские погоны. С той поры мы уже не теряли связь.

Помню первую встречу в Москве. Был какой-то прием в Кремле. Язова только-только переехал в Министерство обороны. Вижу, ко мне через весь зал летит Зима Евгеньевна с распростертыми объятиями...

— То, что руковооимый вами ансамбль "Россия" получил помещение рядом со штабом сухопутных войск, связано с должностью, которую занимал Язов?

— Никим образом. Мы въехали в это здание задолго до того, как Дмитрий Тимофеевич стал министром обороны.

— Как вы восприняли события августа 91-го применительно конкретно к Язову?

— Я никогда не верила, не верю и сейчас, что этот человек мог вступить в антиконституционный заговор. И уж тем более вступить из стремления к личной власти. Того, что он имел, было более чем достаточно, чтобы не желать каких-то дополнительных полномочий. Это нынешним руководителям все мало, пытаются эксплуатировать себя, что то сверх положенного.

— Вы навещали Дмитрия Тимофеевича в "Матросской тишине", носили ему передачи?

— В этом было бы что-то демонстративное, показушное. Наша дружба не нуждается в каких-то публичных доказательствах.

Не проходило недели, чтобы я не перезванивалась с Зимой Евгеньевной, не узнавала новости из "Тишины". На тот период, считаю, этого было вполне достаточно. Язова знают: если от меня потребуется конкретная помощь, я окажу ее не задумываясь.

— Известие об освобождении Дмитрия Тимофеевича из следственного изолятора стало для вас неожиданностью?

— В минувший вторник с утра я разговаривала с Зимой Евгеньевной, и она еще ничего не знала о предстоящем событии. А вечером, услышав сообщение по телевизору, я бросилась звонить Язовым. Конечно же, я обрадовалась, что Дмитрий Тимофеевич дома. Уверена, что, если суд будет объективным, он полностью оправдает всех обвиняемых по делу ГКЧП. Это достойнейшие, порядочные люди!

— Слушаю вас, Людмила Георгиевна, и удивляюсь тому, что вы никогда не состояли в КПСС. Этаким беспартийным коммунист.

— Я трижды подавала заявления о приеме в партию. Но в первый раз написала тушью, что оказалось нарушением каких-то там правил. Я делала это, естественно, не специально. Просто переписывала ноты и забыла переписать ручку. Очень тогда обиделась, что из-за какой-то формальной придирки меня "завернули". Когда решила на второй заход, отвод был иным. Меня обвинили в аморальности из-за того, что я разошлась с мужем. И говорил мне это человек, который за несколько лет до этого бросил жену с маленькими детьми. А ведь никто не знал, что уже после развода я четыре месяца кормила на свою зарплату заболевшего бывшего мужа...

Еще у меня был выговор по комсомольской линии: я направила в колхоз на картошку хористов, а скрипка из оркестра не пустила, пожалела их руки. В райкоме мне сказали, что я слишком бережно отношусь к пятому пункту: мол, евреев защищаешь. Я сказала: не евреев защищаю, а людей ценю.

Третий раз мне отказали из-за того, что я только год проработала на новом месте. Все. Больше я и не пыталась. После сорока, считаю, поздно вступать в любые политические организации.

А кроме того, время наглядно показало, что не партия билетом в кармане определяется сила убеждений. Разве среди бывших членов КПСС, занимавших видные посты, мало таких, кто поспешил вывернуться наизнанку?

— Когда бы говорили об этом, у вас даже выражение лица меняется, оно становится каким-то птердым, если не сказать злым.

— Я не могу с любовью говорить о предателях, извините уж. Почему я должна скрывать свое отношение к тем, кто втаптывает в грязь то, чем я гордилась?

Я народная артистка не только Советского Союза, но и Азербайджана, и Узбекистана, и Казахстана и некоторых других бывших советских республик. Но это же сегодня заграница! Моя подруга Мария Биешу живет в Кишиневе, прикажете теперь брать визу в посольство Молдовы?

— А может, тут еще и личная обида? Вы — лауреат Ленинской премии, Герой Соцтруда, а вас от 2-й поликлиники открепили...

— При чем тут поликлиника? Это рабочие моменты, я и без этого проживу. Лыготами я никогда не пользовалась, звездой Героя не щеголяла.

— Служебная "Волга" тем не менее у вас есть.

— Министерство культуры выделило. Если же действительно говорить, о чем я еще жалую, так о том, что не могу в Крым поехать. Я привлекла там каждое лето отдыхать, а вот уже три года пропускаю.

— Почему?

— Были санатории 4-го управления теперь ведь принадлежат Украине... Ничего, я у Ким Ир Сена в Корею хорошо время провела.

— Какими судьбами там оказались, неужто специально на отдых?

— Да, так получилось. Ансамбль "Россия" был на 80-летия главы корейского государства Ким Ир Сена так понравился, как мы исполнили несколько корейских народных песен, что он предложил мне самой выбрать себе подарок. Тогда я и сказала, что давно по-человечески не отдыхала. Сказала — и забыла. Но не забыли в Корею. В прошлом году я замечательно там отдохнула.

— Почему-то кажется, что вы и с Фиделем Кастро должны дружить водить.

— Дружить это не назову, но когда была на Кубе, встречалась. Приятный мужчина.

— НЕ ПРОДАЮ!

— Не знаю, как для кого, но для меня было большой неожиданностью даже не то,

что Борис Моисеев назвал вас среди своих любимых людей, а что пригласил участвовать в собственном юбилейном шоу.

— Для меня это не стало сюрпризом. Не могу сказать, что столь уж внимательно слежу за творчеством Бориса и его трио "Экспрессия", но что мне знакомо, позволяю с уважением относиться к этому человеку. Я догадываюсь, чем вызвано ваше недоумение. О Борисе болтают много всякого. Но, по-моему, вы уже имели возможность убедиться, что я не питаю доверия к слухам, полагаюсь на собственное мнение. В Моисееве я ценю художника.

— Если не секрет, что вы испытали, когда Борис на сцене назвал вас своей мамой?

— Что может чувствовать женщина в такую минуту? О словом "мама" не бросаются... Говорят о том, хотела ли бы я иметь такого сына, как Борис, наверное, в данной ситуации несколько смешно, поэтому я просто отвечаю вам, что подобное отношение людей к себе нужно завоевывать. Равно, как и ценить его.

Чтобы закончить "моисеевскую" тему, скажу, что не надо торопиться записывать меня в староженичные ханжи. Я в состоянии воспринимать новое, современное.

— Слово, нынешний шоу-бизнес вас не шокирует?

— Я говорила сейчас о другом. Если же касаться темы шоу-бизнеса, то я не принимаю сам этот термин, его внедряли те дельцы, которые стремятся поскорее любой ценой набить свои карманы. Для них нет специальной разницы, торговать ли колготками в коммерческом киоске или женским телом на сцене.

Речь нужно вести о культуре. Ее теперешнее положение меня действительно шокирует, больно ранит. Голова кругом идет от засилья бездуховности, безвкусицы, непрофессионализма. Куда ни глянь — или оружие патлатые юнцы с гитарами, или обнаженные девчонки...

Еще раз повторю: я не ханжа. Помню, смотрела стриптиз в Лондоне. Это было настоящее искусство. Я, женщина, с интересом и восторгом следила, как красиво на сцене раздвигаются пять артисток — ни намека на пошлость! Была и в парижском "Лидо", где измученные девушки отрабатывают по несколько сеансов в день. Но то, что просят идти у нас, ни с чем не сравнимо.

По моему разумению, настоящая женщина вообще никогда не должна показывать свою натуру мужчине. Даже мужу.

— Людмила Георгиевна, вы это серьезно?

— Могу вам сказать, что я ни разу в жизни не видела голыми ни мать, ни отца. А ведь мы много время жили в одной комнате! Родители никогда не позволяли себе появляться обнаженными не только передо мной, но друг перед другом.

— Теперь я начинаю понимать, почему так долго птердил, что в СССР секса нет. Под ним, очевидно, подразумевалось нечто позорное и грязное, чем можно заниматься только в темноте, плотно укутавшись одеялом.

— Никогда нельзя раскрываться полностью, должна оставаться в женщине какая-то загадка, таинственность.

— А как же древние, бывшие обнаженной женщиной натуры? Неужели кто-то разгадал тайну Венеры или Аполлона? Впрочем, оставим эту тему. Я хоть и бескуражен, все же рискну задать вопрос о ваших поклонниках.

— Да, я нравлюсь мужчинам, у меня было много поклонителей. Но я любила немногих. Те, кто нравился мне, почему-то меня боялись и стали признаваться в любви лишь ночью лет спуска. Такова, наверное, судьба всех сильных женщин. Я всегда все делала сама, не рассчитывая ни на чью помощь. Хотя, конечно, временами так хотелось почувствовать себя слабой и зависимой.

— У вас очень уютно в квартире. Можно спросить, с кем вы живете, Людмила Георгиевна?

— Одна. К сожалению, у меня нет родных братьев и сестер, а свободный брат, для которого я очень много сделала, повел себя непорочно. Ради него я разменяла квартиру, он получил отдельную, в этом же доме, и сдал ее каким-то людям. Своих детей отговел за пятьсот километров от Москвы, в деревню, где купил дом...

Я забрала от этого пьяницы племянницу в интернет, на выходные девочка приходит ко мне.

— Хозяйством вы занимаетесь сами?

— Готовить очень люблю. А вот убирать в квартире — не моя стихия, поэтому несколько раз в месяц домработница делает генеральную уборку.

Еще мне нравится вышивать картины. На даче есть картина Ренуара, которую, говорят, даже трудно отличить от подлинника.

Сплю я мало, не больше пяти часов. Встаю очень рано, по утрам мне хорошо работает.

— Материальных затруднений, надо полагать, вы не испытываете?

— Если б жила на пенсию, наверное, стала бы с проблемами, а так... Я никогда не гналась за богатством. На гастролях нередко суточными довольствовалась, за рубежом часто вообще за гроши выступала. Правда, однажды в Австралии мне решили платить по тысяче долларов за концерт. А концертов было семьдесят. Представляете? Я не знала, что делать с такой кучей денег. До сих пор все не потратила, что-то еще осталось.

— Потихоньку продаете, наберное, валюту, мененате на рубль?

— Что вы! Я в жизни ничего не продавала. Натурально! Мне иногда пишут: Людмила Георгиевна, пришлите, пожалуйста, какое-нибудь свое старое платье. Увы, не могу. У меня много двоюродных сестер, племянниц, все им отдаю. А вы говорите "продаете"...

ХЭППИ ЭНД

— Людмила Георгиевна, кажется, все темы обговорили, а ощущение недосказанности остается.

— Это потому, что вы не задали вопрос, без которого раньше не обходилось ни одно интервью: счастливы ли вы? Могу вам честно ответить: да, счастлива!

Андрей ВАНДЕНКО.